

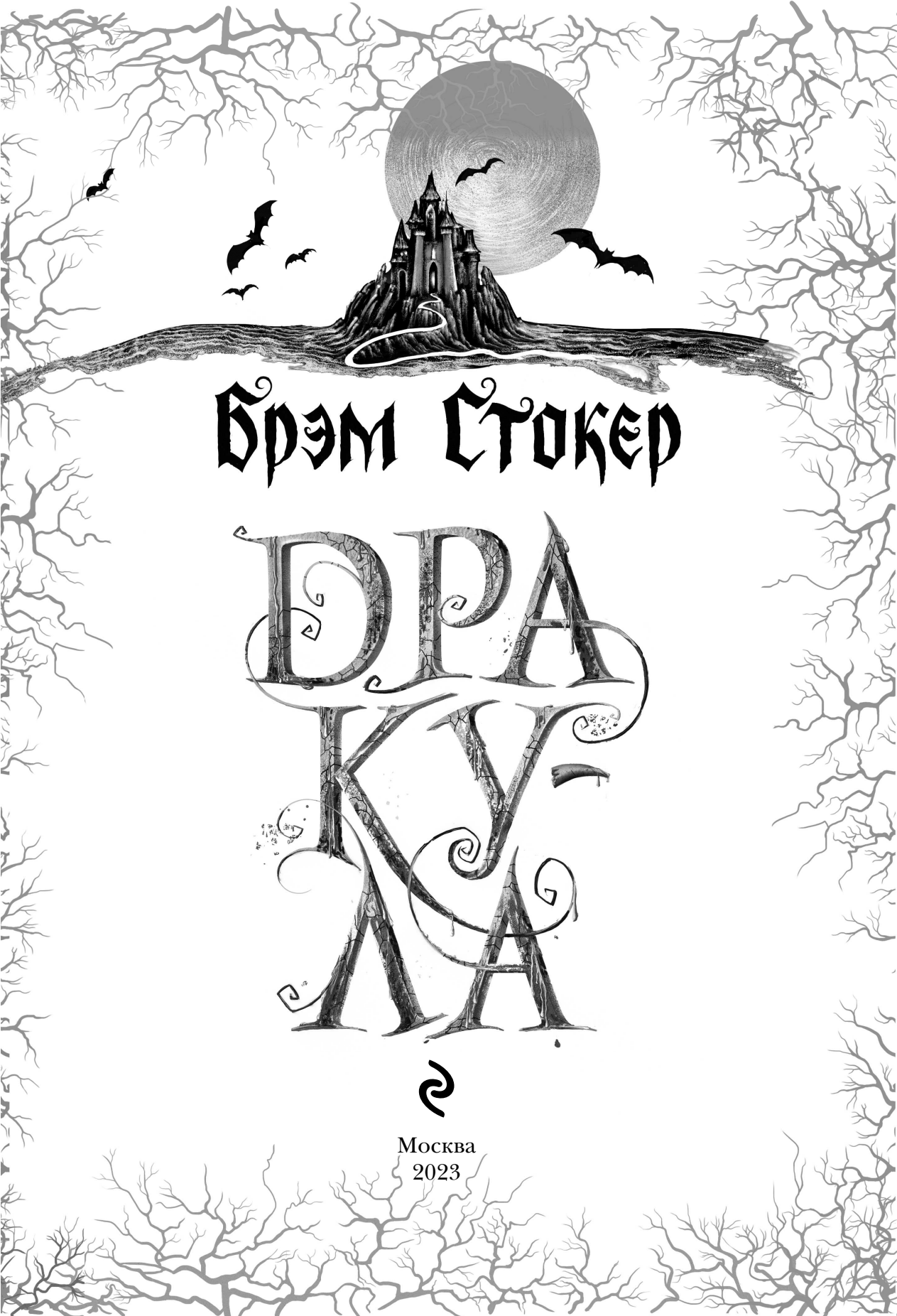

Брэм Стокер

1847–1912

Брэм Стокер

ДРАКУЛА

Москва
2023

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44
С81

Bram Stoker

DRACULA

Перевод с английского, предисловие, комментарии
Татьяны Красавченко

Художественное оформление переплёта
Ольги Закис

Иллюстрации во внутреннем оформлении
Марии Сергеевой

В оформлении титула и форзаца использованы иллюстрации:
paseven, WinWin artlab, Independent birds / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Стокер, Брэм.
С81 Дракула / Брэм Стокер ; [первод с английского Т. Красавченко]. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с. — (Подарочное издание. Знаменитая классика с иллюстрациями).

ISBN 978-5-04-185752-3

Главное детище Брэма Стокера, вампир-аристократ, ставший эталоном для последующих сочинений, — причина массового увлечения «вампирическим» мифом и получивший массовое же воплощение — от литературы до аниме и видеоигр.

«...прочел я «Вампира — графа Дракула». Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т.д. <...> Это — вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил меня, наконец, прочесть ее».

А.А. Блок из письма Е.П. Иванову от 3 сентября 1908 г.

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-04-185752-3

© Красавченко Т., перевод, предисловие,
комментарии, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

БРЭМ СТОКЕР И ЕГО РОМАНЫ: «ДРАКУЛА» И «СОКРОВИЩЕ СЕМИ ЗВЕЗД»

Вместе с романом Брэма Стокера «Дракула», опубликованным в 1897 году, в западную культуру вошел образ необычайной символической силы, органично вписавшийся в мифологию XX столетия. С начала XX века не прекращаются переиздания романа, ставшего бестселлером. Он переведен на многие языки мира. После 1922 года, когда немецкий режиссер Ф. Мурнау поставил по роману первый фильм ужасов, начинается кинематографическая «эпидемия» «Дракулы». Создано уже более ста киноверсий приключений графа и его двойников (среди них фильмы известных режиссеров — Романа Полански, Вернера Херцога, Фрэнсиса Форда Копполы¹).

Дракула сошел со страниц романа и начал самостоятельную жизнь в массовом сознании, возник один из самых популярных мифов XX века — миф о вампиризме. Все это несколько затмило первоисточник — роман Брэма Стокера.

Тем не менее это произведение английской литературной классики, возможно, — самый значительный «роман ужасов» на английском, да и не только на английском языке.

Но если персонаж — Дракула затмил роман, то в еще большей тени оказался его создатель. В сущности, Стокер, как справедливо заметил один из его биографов, наименее известный автор одной из самых знаменитых книг.

* * *

О Брэме (полное имя Абрахам) Стокере действительно известно немного. Родился он 8 ноября 1847 года в Клонтарфе, к северу от Дублина, в многодетной семье (он был третьим из семи детей) скромного, нечестолюбивого ирландского чиновника. До семи лет Брэм был прикован к постели — не

¹ В фильме Копполы роль Ван Хелсинга сыграл замечательный английский актер Энтони Хопкинс.

мог ходить, почему — так и не удалось установить, но, судя по его полному выздоровлению в дальнейшем, спортивным успехам в школе и особенно в университете, вероятно, причина болезни была скорее психическая, чем физическая. В дальнейшем Стокеру, как и многим людям, пережившим в детстве тяжелую болезнь, свойственна невероятная жажда жизни, деятельности, желание быть в центре событий.

Выходец из протестантской семьи (в Ирландии, тогда входившей целиком в Великобританию, преобладал католицизм), он учился в Дублине в протестантском Тринити-колледже, который окончил с отличием по курсу математики. Необходимость помочь родителям, испытывавшим материальные затруднения, заставила его пойти по стопам отца — стать чиновником, а также давать уроки. Едва ли это было подходящее приложение сил для энергичного Брэма. Он получил степень магистра искусств, возглавил историческое общество в своем колледже, начал писать рассказы (первый из них был опубликован в 1872 г.), стал театральным рецензентом дублинской газеты «Ивнинг Мейл».

Еще студентом в Королевском театре Дублина он впервые увидел приехавшего на гастроли актера Генри Ирвинга (для англичан в XIX веке этот актер был тем же, кем Лоуренс Оливье — в XX веке). Десять лет спустя Ирвинг вновь выступил в Дублине в «Гамлете». Стокер опубликовал в «Ивнинг Мейл» восторженную рецензию и был приглашен Ирвингом за кулисы. Началась их многолетняя дружба, определившая ход дальнейшей жизни Стокера. В декабре 1878 года Стокер принял предложение Ирвинга стать директором-распорядителем его театра «Лицей» и с радостью оставил чиновничью службу. Он женился на девятнадцатилетней дублинской красавице Флоренс Балкомб (среди ее отвергнутых поклонников был Оскар Уайльд), молодая чета переехала в Лондон, где поселилась в модном районе Челси. А через год у них появился единственный сын Ноэл.

Театральная жизнь захватила Стокера. Помимо управления повседневным бытом театра, он организовывал гастроли в провинцию, несколько раз в Америку и Канаду. Он целыми днями пропадал в театре, что позволило позднее одному из критиков пошутить: дескать, Стокер больше женат на Ирвинге, чем на Флоренс. Он не мог сосредоточиться на своих литературных произведениях, отработать их, порой в них видны следы рассеянности, небрежности, встречаются несообразности, которые, тем не менее, не влияют на впечатление в целом, но порой у внимательного читателя могут вызвать недоумение.

Очевидно, что на протяжении всей жизни Стокеру было свойственно почти мальчишеское восхищение сильными и знаменитыми, что явно проступает в его мемуарах. По воспоминаниям сына Ирвинга, Лоуренса, общение со знаменитостями не просто льстило Стокеру, оно придавало ему уверенность в себе, служило источником вдохновения, энергии. Будучи физически сильным человеком, он, однако, не обладал сильным характером,

его жизнь определяли другие, более сильные люди — сначала мать, затем Ирвинг. После его внезапной смерти в 1905 году Стокер растерялся — на 58-м году жизни он оказался без постоянного дохода. Попробовал вести коммерческие дела американской певицы, но из этого ничего не вышло; тогда он стал зарабатывать пером.

Он продолжал участвовать в светской жизни, присутствовал на свадьбе Уинстона Черчилля, но состояние его здоровья ухудшалось. После смерти Ирвинга с ним случился удар, стало слабеть зрение. 20 апреля 1912 года Брэм Стокер умер в Лондоне в возрасте 64 лет. Его смерть осталась почти незамеченной на фоне трагических известий о гибели «Титаника». Некролог напечатала лишь газета «Таймс». О Стокере говорилось в основном в связи с Ирвингом, в тени которого он жил и умер, и лишь вскользь — как о мастере «страшной, бросающей в дрожь прозы».

Из его восемнадцати книг лишь три, наряду с «Дракулой», были «романами ужасов»: «Сокровище семи звезд» (1903), «Леди в саване» (1909), «Логово белого ящера» (в других переводах «Логово белого червя», 1911). В основном он писал сентиментальные романы, а известность получил как автор двухтомника «Личные воспоминания о Генри Ирвинге» (1906) и книги «Знаменитые обманщики» (1910), куда, помимо рассказов о самозванцах, мошенниках, колдунах, ведьмах, вошли рассказы об австрийском враче Ф. Месмере, разработавшем учение о «животном магнетизме», излечивающем болезни. В 1914 году вдова Стокера опубликовала книгу «Гость Дракулы» и другие странные рассказы», где были представлены и главы, не вошедшие в роман.

* * *

Стокер — чиновник, театральный критик и администратор, юрист, писатель — был человеком своего времени, викторианским джентльменом, для которого хорошие манеры, соблюдение норм поведения, рыцарское отношение к женщине были основополагающими. Естественно возникает вопрос: как объяснить, что такой образцовый, благородный джентльмен был столь склонен к созданию «романов ужасов» и «страшных рассказов»? Но, видимо, не зря современники сравнивали «Дракулу» с «Удольфскими тайнами» королевы английского готического романа Анны Радклиф. Как ни парадоксально, но именно в благопристойной и добропорядочной Англии расцвел в XVIII—XIX веках жанр «романа ужасов». Пожалуй, он и ныне живет там: ведь, скажем, детективы Агаты Кристи — это тоже его разновидности. Разве страшные тайны, кошмарные убийства не таятся за фасадами элегантных британских особняков и милых, уютных домиков, вдруг открываясь читателю?

Принято считать, что «готический роман» возник в XVIII веке как отклик на «политическую травму» кровавой Французской революции. В ужасе перед тем, что происходит у соседей и вполне может перекинуться на

Британию (тем более прецедент уже был — первая европейская буржуазная революция XVII века в Англии подала Европе пример цареубийства), англичане начали усиленно культивировать этику самоконтроля, самодисциплины, кодекс «леди» и «джентльмена», особый вид цивилизованности в противовес хаосу, вульгарности, разгулу человеческих страстей. И преуспели в этом. Но как быть с естественными, страстными проявлениями человеческой природы? Подавляемые, загоняемые вглубь как нечто неподобающее, непристойное, пагубное, они накапливались исподволь и все равно неизбежно прорывались, в частности в литературе — в романах ужасов, в макабрическом мироощущении их авторов, обостренно чувствовавших противостояние светлых и темных начал человеческой природы, добра и зла в жизни.

Стокер хорошо знал готико-романтическую литературу, в частности Ч. Мэтьюрина, в романе которого «Мельмот-скиталец» (1820) герой подписал договор с дьяволом и осужден на вечную жизнь, «Ленору» Бюргера, «Старуху из Беркли» Р. Саути — о призраках, о ведьмах, пожирающих людей. Несомненно, была известна Стокеру и «вампи́рская линия» готической прозы — «Вампир» Джона Полидори, «Варни-вампи́р, или Празднество крови» Дж.М. Раймера (Т.П. Преста), хотя едва ли они заслуживают особого внимания. От обычной «вампи́рской» прозы «Дракула» отличается прежде всего фольклорной и подлинной исторической основой.

Очевидно, сыграла свою роль восприимчивость Стокера к фольклору с детства, когда мать рассказывала ему ирландские легенды и мифы. Среди его дублинских знакомых были сэр и леди Уайльда, родители Оскара Уайльда, — знатоки и издатели ирландского фольклора. Среди источников романа Стокера — антология индийского фольклора о вампирах «Викрам и вампир», переведенная на английский его другом — востоковедом Ричардом Фрэнсисом Бёртоном, и «Золотая ветвь» (1890) Джорджа Фрейзера. Со своим старым другом Холлом Кейном, знатоком фольклора острова Мэн, интересовавшимся оккультными явлениями (ему посвящен «Дракула»), Стокер скоротал не одну ночь, обсуждая проблемы потустороннего мира.

В 1893 году Стокер отдыхал в Шотландии, в местечке Круден-Бей, на берегу Северного моря, где на краю обрыва стоял замок и открывался один из самых «готических» пейзажей в Британии. Местные жители, с которыми Стокер любил поговорить, были крайне суеверны. У них сохранялся обычай оставлять часть земли под паром, чтобы духи, посещавшие живых в определенное время года, могли воспользоваться диким овсом. Стараясь отвести их от дома, им выставляли еду, козье молоко, зажигали огни. Боязнь «живых мертвецов» заставляла жителей запирать кошек и кур перед похоронами на случай, если среди них окажутся злые духи. Чтобы покойный не возвращался домой, его везли на кладбище окольными путями, а часть еды, заготовленной на поминки, откладывалась, чтобы поддержать отошедшую душу на ее пути в мир иной. На глаза клали медяки, на грудь —

соль в мешочке, зеркала завешивали. После посещения Круден-Бей тема возвращения мертвых, тревожащих живых, стала постоянной в творчестве Стокера.

Воздействовала на Стокера и реальность. Среди его лондонских соседей был известный поэт и художник Данте Габриэль Россетти, жена которого Элизабет Сиддел умерла в 1862 году, приняв слишком большую дозу настойки опия. Ее похоронили на Хайгейтском кладбище вместе с рукописным томиком стихов, посвященным ей мужем и завернутым в ее золотистые волосы. Семь лет спустя он захотел вернуть стихи, и осенним вечером 1869 года друзья раскопали могилу при свете фонарей. Труп почти не изменился, золотистые волосы заполняли гроб. Этот эпизод произвел сильное впечатление на Стокера и наложил отпечаток на кладбищенские сцены в «Дракуле».

А осенью 1888 года Лондон, напуганный кровавыми преступлениями Джека-потрошителя, был охвачен паникой: лондонцы почувствовали запах крови, в газетах замелькали сравнения с вампирами.

* * *

Предполагается, что писатель был членом магического Ордена — «Золотая Заря», оккультной организации (или, по крайней мере, близок к его окружению), существовавшей в Великобритании во второй половине XIX — начале XX века, практиковавшей теургию, магию, алхимию. Возможно, что в «Дракуле» Стокер видел не «роман ужасов», а произведение, содержащее сложную систему оккультных символов, воплощающих сокровенный смысл истории о вампире.

* * *

Стокер побывал во всех описанных в «Дракуле» местах, пожалуй, кроме Трансильвании. В августе 1890 года он был в Уитби. Надписи на могильных плитах в романе подлинные, фамилию старика — бывшего моряка писатель позаимствовал с одного из надгробий. Он говорил с местными жителями, слушал рассказы старых моряков о морских трагедиях, кораблекрушениях, просматривал метеорологические сводки, вахтенные журналы. В Уитби 24 октября 1885 года действительно произошло кораблекрушение русской шхуны «Димитрий». В библиотеке Уитби Стокер обнаружил «Описание провинций Валахия и Молдова» (1820) британского консула в Бухаресте Уильяма Уилкинсона, где говорилось и о валашском воеводе Дракуле. Писатель хорошо знал работы Эмили Лазовской-Джерард (книгу «Страна за лесами» и статью «Трансильванские суеверия» — об истории, народных обычаях и повседневной жизни в Трансильвании в 1880-е годы) и использовал их в первых главах романа.

Как и его герой Джонатан Харкер, Стокер работал в библиотеке Британского музея, собирая материалы о Трансильвании и Дракуле. Еще раньше,

в апреле 1890 года, он познакомился с профессором Будапештского университета Арминием Вамбери, видным историком и востоковедом, ориентировавшим его на Трансильванию и Дракулу. Сама история Трансильвании, особенно времен Дракулы, превосходит все «романы ужасов», вымысел бледнеет перед реальностью.

При жизни Дракула был широко известен в Европе, но потом забыт. Когда Стокер написал свой роман, мало кто из его читателей знал, что существовал реальный Дракула. Историки довольно долго не могли осознать, что Дракула-злодей и Дракула, героически боровшийся с турками, — это одно и то же лицо.

Подлинный Дракула, Влад Цепеш, воевода Валахии в XV веке, послуживший прототипом героя романа Стокера, не был вампиром в буквальном смысле этого понятия, но в метафорическом — несомненно (слово «вампир» уже в XVIII веке использовалось в английском языке метафорически, как прозвище тирана, сосущего жизнь из людей): он был кровавейшим из европейских тиранов, позаимствовавшим у турок свой излюбленный вид пыток — сажание на кол. На его счету — около ста тысяч жертв, пятая часть населения Валахии того времени. Масштабам его злодеяний уступает даже Иван Грозный, с которым у него много общего.

Примечательно, что среди подлинных документов, сохранившихся с конца XV века, есть и русская история Дракулы, которую Н.М. Карамзин назвал «сказкой», являющейся, по сути, одним из ранних отечественных романов. Записал ее монах Ефросин из Кирилло-Белозерского монастыря в 1490 году, скопировавший ее, по его словам, с другой рукописи. Автором ее был Федор Курицын, русский дипломат при венгерском дворе в 1480-е годы. Монах пишет, что более ранний автор видел одного из сыновей Дракулы. Но кто бы ни был более ранний автор, на него явно большее впечатление произвело вероотступничество Дракулы, переход его из православия в католицизм, чем его злодеяния. В рукописи Дракула представлен как «жестокий, но справедливый деспот», он жесток по критериям среднего, обычного человека, но все, совершенное им, необходимо для пользы государства. Рукопись была явно ориентирована на оправдание русского самодержца той поры — Ивана III. Так из глубины веков доносятся до нас столь знакомые аргументы.

* * *

Несмотря на то что Стокер не был в Трансильвании, он очень точно описал ее — и Бистрица, и ущелье Борго действительно существуют. Многие его поклонники повторяли путь одного из основных персонажей, Джонатана Гаркера, — из Клужа в Бистрицу, из Бистрицы в ущелье Борго — и пытались найти замок Дракулы, но безуспешно.

Американские историки Реймонд Макнелли и Раду Флореску, авторы нескольких книг о Дракуле, установили, что более всего описанию замка

Дракулы в романе соответствует замок в Хунедоаре — Яноша Хуньяди, его старшего современника, знаменитого воеводы Трансильвании, регента Венгерского королевства, в 40—50-е годы XV века возглавившего борьбу с турецким игом в Юго-Восточной Европе. В этом замке, построенном в 1260 году и ныне восстановленном, Хуньяди принимал Дракулу как союзника и друга в 1452 году и как врага — в 1462-м. Со своими маленькими башенками, массивными стенами и поднимающимся мостом он кажется идеальным местом обитания Дракулы и вампиров.

Замок же самого Дракулы, точнее, его руины, Р. Макнелли и Р. Флореску нашли высоко над берегом реки Арджеш. В одной из старинных валашских хроник описано, как Дракула строил его: на Пасху, когда все жители его столицы Тырговиште — бояре, купцы, ремесленники — веселились, пировали, молодежь плясала, Дракула отдал распоряжение окружить бояр; всех стариков посадили на кол, а тех, кто помоложе — человек триста, — вместе с женами и детьми в праздничных одеждах погнали к реке Арджеш и заставили строить замок. Это были соотечественники Дракулы — валахи. Так Дракула убил сразу двух зайцев — разделался с политическими противниками и использовал даровой труд — исторические параллели напрашиваются сами собой. В 1462 году, после бегства Дракулы в Трансильванию, замок частично разрушили турки, а завершили разрушение землетрясения в 1913 и 1940 годах.

Дракула использовал и другие приемы политического террора, хотя Макнелли и Флореску приводят румынские предания о том, что иногда таким образом Дракула пытался внедрить в княжестве общественную мораль: порядок, дисциплину, честность.

Конечно, Дракула производит впечатление патологической личности. Но следует помнить, что он провел в тюрьме больше времени, чем на троне. Он попал в плен к туркам, когда ему было лет пятнадцать. Отца его убили. Брата похоронили заживо. Кузен, его друг, предал его. Он хорошо постиг науку унижений, предательства, рано понял, что человеческая жизнь стоит дешево. Его преследовали турки, венгры, немцы. Все это не оправдывает его, но помогает понять, что кровь рождает кровь, смерть — смерть.

Стокер позволил себе отклонение от исторической истины, сделав Дракулу выходцем не из Валахии, румынского княжества, а из Трансильвании, венгерской провинции. «Продвижение» Стокером Дракулы к северу — в Трансильванию — было, видимо, намеренным: у Трансильвании была репутация «земли вампиров», венгерский фольклор о вампирах был богаче румынского. Стокер читал также «Книгу об оборотнях» Сабина Бэринг-Гулда, содержащую описание жизни венгерской «кровавой графини» Елизаветы Батори (1560—1614), знаменитой массовыми убийствами молодых девушек: она считала, что их кровь может вернуть ей молодость. Вероятно, одна из причин, по которым Стокер выбрал Трансильванию местом действия романа, состояла в том, что для большинства западных европейцев, особенно англичан, это буквально и символически неведомая «земля за лесами» (та-

ков перевод слова «Трансильвания»), где может быть все, что угодно, в том числе и вампиры.

Фольклор о вампирах известен не только в Трансильвании, но и в Тибете, Индии, Северной Африке, на Борнео, в Японии, Северной и Южной Америке, Полинезии, Австралии, Непале... Легенды о мертвых, пьющих кровь живых и тем самым поддерживающих свою жизнь, присутствуют почти в каждой культуре. Понятие о вампиризме основано на вере в жизнь после смерти и в магическую силу крови как эликсира жизни. Самые древние источники о вампирах — на Востоке. Этимологически слово «вампир» связано с сербским «вампир», в России — «упырь» (именно таково название известной повести А.К. Толстого о вампире). В Центральной Европе, особенно в Трансильвании, которая несколько веков была полем борьбы между турками и христианами, языческое содержание легенды о вампире приобрело христианскую оболочку, что и привлекло Стокера, использовавшего это в своем романе.

Привлекла его и многозначность слова «Дракула», означавшего по-валяшски не только дракона, но и дьявола. В пограничных румыно-немецких районах вампиров часто представляют как драконов-змеев. Совмещение образов дьявола и дракона в христианской мифологии, а этимологии «вампир» и «дьявола» в разных языках привело Стокера к отождествлению Дракулы с вампиром.

Кроме того, у Стокера были свои основания считать Влада Цепеша вампиром: ему отрубили голову, обычно так убивали вампиров; его могила в монастыре в Снагове оказалась пустой; возможно, он сам покинул ее. Стокеру было известно и предание о том, что Цепеш реально не умирал. Очень плохие люди (как писал еще Платон в трактате «Федон») обычно после смерти превращались в вампиров, а одержимость Цепеша кровопролитием, естественно, наводила на мысль о вампиризме.

* * *

Одна из причин, по которым «Дракула» стал классическим в жанре романа ужасов, — это мастерство изображения самого Дракулы. Остальные персонажи романа — мертвые — рядом с ним выглядят бледновато. Никто из них ему неровня, лишь все вместе они сильны и могут противостоять ему.

Дракула — орудие, ученик дьявола или сам дьявол, антихрист: Христос — скромный плотник, Дракула — тщеславный аристократ, Христос — источник света и надежды, он воскрес на рассвете, Дракула воскресает на заходе солнца, его стихия — тьма. Смерть распятого Христа стала началом его возрождения; для вампира быть пронзенным, «распятым» колом означает окончательную смерть и забвение. Христос отдал свою жизнь за других, Дракула забирает жизнь других, чтобы жить самому. Противостояние Христа и Дракулы очевидно: граф отшатывается от распятий, Святых Даров

и других символов христианства. Возможно, одна из целей романа — утвердить существование Бога в век, когда ослабление христианской веры вызвало споры, что же ждет человека после смерти. Поиск бессмертия — в центре и другого знаменитого романа той поры — «Портрет Дориана Грея» (1891) Оскара Уайльда.

В подтексте романа Стокера — полемика с дарвинистами, сторонниками теории эволюции (прежде всего Т.Г. Гексли), проповедовавшими материализм, убежденными в том, что все сводимо к материи: нет Бога, нет и души, духовная деятельность эквивалентна деятельности мозга. Материализм противостоял самой сущности христианства, основанной на представлении о дуализме человека: физическая его оболочка смертна, душа бессмертна. Дракула — активный материалист, он предлагает человечеству бессмертие не души, а тела. Как и все вампиры, он лишен души, его занимает только физическое бытие. Один из персонажей романа — «ученик» Дракулы Ренфилд — подражает ему и сосредоточен на бессмертии тела. В программе, предлагаемой Дракулой человечеству — превращении всех в вампиров, — представлен эволюционистский апокалипсис.

Девяностые годы XIX века, когда Стокер работал над «Дракулой», — время расцвета психоанализа, Фрейд начал свои исследования. Ныне критики настойчиво предлагают фрейдистские толкования романа, предварившего, по их мнению, попытки психоанализа раскрыть душу человека, проникнуть в ее тайны. Роман выводит на поверхность глубинные, темные страхи и желания человека, подтверждает важнейшее положение теории Фрейда: не следует пренебрегать эротическим началом как одним из источников психической энергии человека. Эротичны взаимоотношения героев с вампирами и сами вампиры, а отношения между людьми — Миной и ее мужем, Люси и тремя ее поклонниками — «одухотворены» до предела. В линии с вампирами проступает то, что англичане-викторианцы загоняли вглубь, подавляли. Вампиризм ассоциируется не только со смертью и бессмертием, но и с сексуальной стороной жизни человека, эротизмом.

То, что действие романа частично происходит в психиатрической лечебнице, а среди персонажей — практически два врача-психиатра, свидетельствует об интересе Стокера к подсознанию человека, пограничным и запредельным его состояниям. Как и другие персонажи готических романов, Дракула — воплощение зла, безумия, мучений, таящихся в самом человеке. Возможности и пределы человеческой психики, сумасшествие — эти темы занимают существенное место в романе. Один из его персонажей, ученый, доктор Авраам Ван Хелсинг (его порой считают подлинным героем романа, тем более что его имя совпадает с именем автора: Брэм — сокращение от Абрахэм), сочетающий научные занятия и ватиканские контакты, то есть основные начала западноевропейской цивилизации, замечает: «Все люди безумны в той или иной форме». Причину популярности Дракулы иногда видят именно в том, что люди опознают в нем скрытые глубины самих себя.

Обращают на себя внимание значащие имена в романе: например «Мина», прочитанное наоборот, близко к латинскому «анима» — «душа», лорд Годалминг можно расшифровать как «Бог всемогущий» или «милостивый».

* * *

Часто ли история подтверждает оценку, данную матерью сыну? Но вот что писала Шарлотта Стокер своему сыну Брэму после выхода «Дракулы» в свет: «Мой дорогой, «Дракула» великолепен, он оставил на тысячи миль позади все, что ты написал прежде, и я чувствую, ты займешь высокое положение среди современных писателей... Ни одна книга после «Франкенштейна» миссис Шелли даже не приближалась к твоему роману по оригинальности или ужасу...»

Миссис Стокер была права: ее сын написал уникальную книгу.

Дракула, а вместе с ним и сам роман обретают предупреждающе-пророческое звучание в преддверии XX века с его ярко выраженными некрофильскими устремлениями, то есть тягой к смерти, разрушению, подавлению живого.

Более того, несмотря на победу Ван Хелсинга и его «команды», Брэм Стокер по-своему развенчивает XIX век (тут можно подставить XX, XXI век), о котором Осип Манделштам в эссе «Девятнадцатый век» (1922) писал, цитируя Шарля Бодлера: «Шатром гигантских крыл он пригвожден к земле», имея в виду познавательные силы как гигантские крылья XIX века. Джонатан Гаркер, находясь в замке Дракулы в Трансильвании, в ужасе от того, что наблюдает, восклицает изумленно: «На дворе девятнадцатый век — век науки и прогресса!» Нечто подобное испытывают и его друзья, и великий ученый Ван Хелсинг, ибо, в сущности, в романе, помимо всего прочего, происходит столкновение ограниченного рацио человека, бесконечно стремящегося к познанию, с таинственным, мистическим, паранормальным, с Природой; роман напоминает о том, что так и остается неразгаданной главная загадка — смерть и то, что после нее.

* * *

В 1900-х годах роман Стокера неоднократно переводили в России. Александр Блок, прочитавший один из этих ранних переводов (возможно, 1902 г.), писал своему близкому другу, поэту Евгению Иванову 3 сентября 1908 года: «Во-первых, прочел я “Вампира — графа Дракула”. Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т. д. Написал в “Руно” юбилейную статью о Толстом под влиянием этой повести. Это — вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил, наконец, меня прочесть ее»¹.

¹ Письма Александра Блока к Е.П. Иванову. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С.66.

В сентябре 1908 года Блок в эссе «Солнце над Россией», опубликованном в московском символистском журнале «Золотое руно» к восьмидесятилетию Льва Толстого, писал о вампирических силах, таящихся в прошлом и настоящем России и подстерегающих ее лучших людей. От этого кошмара ее заслонял Лев Толстой как высшее воплощение жизненных сил, но и он был в опасности. Один из сквозных мотивов эссе — мотив упыря. Победоносцев, много навредивший Толстому, ухвативший «кормило государственного корабля на четверть века», стяжал себе, как пишет Блок, «своей страшной практической деятельностью и несокрушимым, гробовым холодом своих теорий — имя старого “упыря”», теперь «старый упырь в могиле», но его чудовищная тень — по-прежнему нависает над Россией... Чья мертвая рука управляла пистолетами Дантеса и Мартынова? Кто пришел сосать кровь умирающего Гоголя?», и далее Блок пишет о Толстом, «величайшем и единственном гении современной Европы», «писателе великой чистоты и святости», и замечает, что за ним следит неусыпное око: министр ли, ведающий русской словесностью, сыщик или урядник...», и далее едва ли не прямая ссылака на Дракулу Стокера: «их глазами глядит мертвое и зоркое око, подземный глаз упыря»¹.

По мнению философа, филолога, историка, политолога Вадима Цымбурского (1957—2009), автора талантливой статьи «Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд» (1990), впечатления от прочтения романа Стокера Блоком отразились в его цикле стихов «Чёрная кровь» (1909—1914).

И одним из источников стихотворения Блока «Было то в темных Карпатах» (окт. 1913 г.) считают роман «Дракула» Брэма Стокера, а известного стихотворного цикла Михаила Кузмина «Форель разбивает лед» — кинофильм Ф. Мурнау «Носферату. Симфония ужаса»².

* * *

В 1912—1913 годах в Санкт-Петербурге в приложении к популярному еженедельнику «Синий журнал» «Дракула» Стокера вышел в переводе Нины Сандровой (псевд. Надежды Яковлевны Гольдберг), но то ли помешали изъяны перевода, обилие по разным причинам купюр (например, исключение важного для романа монолога на йоркширском диалекте бывшего моряка в Уитби), то ли он был не ко времени, однако у широкого круга читателей такого успеха, как на Западе, он не имел.

¹ Блок А. Собр. соч.: В 6 т. Л., 1982. Т. 4. С.92—93.

² Лавров А.В. «Другая жизнь» в стихотворении А. Блока «Было то в темных Карпатах»// Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1992; Прямые параллели в цикле Кузмина и в кинофильме установлены Р.Д. Тименчиком. См.: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 176, 493.